

XX ЕЖЕГОДНЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ
СТАРШЕКЛАССНИКОВ

«ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ. РОССИЯ – XX ВЕК»

Тема конкурса: «История семьи»

Тема работы: «Страницы родословия моей прабабушки
Лукониной Галины Ивановны»

Выполнила:

Луконина Янна Александровна,

МБОУ «Верхнекужебарская СОШ им. В. П.
Астафьева» 662862 Красноярский край,
Каратузский район, с. В-Кужебар, ул. Садовая, д
8, т. 83913734267, e-mail v-kygebar@yandex.ru

Руководители: Моршнёв Александр
Михайлович, педагог дополнительного
образования, учитель истории, Селина Елена
Владимировна, педагог дополнительного
образования, учитель технологии

Верхний Кужебар, 2019

И струною певучей, сердечною,
Не фальшивя аккордом, звеня,
Распахнись добротой бесконечною,
Сказкой светлою каждого дня.
(«Распахнись добротой бесконечною...»
А. Моршневу)

Всегда испытываешь невольное уважение к людям, которые не забывают о своих корнях, помнят и чтят их. Насколько мудры были наши пращуры, если очень трепетно относились к своим предкам, бережно хранили родовые предания и легенды, реликвии и верили, что предки являются их ангелами-хранителями. И насколько плохо то, что в наше время далеко не каждый задумывается над тем, кто были его родственники. "Зачем мне это", – считают многие, ведь в современном мире и так времени ни на что не хватает, не до генеалогического древа.

Думается мне, что только человек, знающий и уважающий историю своей Родины, своего народа, своей семьи, гордящийся славой своих предков, переживающий за периоды горечи и позора своей страны, может быть истинным гражданином, способным взять на себя груз ответственности за историю нашего государства.

Я занимаюсь краеведением уже шестой год, но своего родословия раньше как-то не касалась. Казалось мне, что будет неподъёмно. Даже сейчас, когда уже пытаюсь приоткрыть завесу времени в истории поколений моего рода по мужской линии, не считаю этой полноценной работой с родословием. Только некоторые отдельные страницы, особенно дорогие мне, будут освещены.

Осенью 2018 года я участвовала в районном конкурсе, тема которого была "Человек, которым я буду гордиться всегда", номинация "Славен человек труда". Я посвятила свою работу человеку, которого глубоко чту, уважаю и люблю. Это – моя прабабушка по папиной линии Луконина (в девичестве Нестерова) Галина Ивановна. Ей пошел уже 81-й год, она прожила нелёгкую

жизнь, хлебнула лиха военной поры, и во взрослой жизни судьба не побаловала её. Но доброта её, отзывчивость, любовь к людям, стремление помочь, необычайное трудолюбие и жизнелюбие – вот что удивляет и восхищает.

Восстановить факты биографий моих прародичей оказывается очень непросто, так как почти никаких документов, связанных с прошлым прабабушки, не сохранилось. Устные рассказы её не всегда точны и полны (подводит память), но скудные данные "Ревизских сказок " о переселенцах Орловской губернии, прибывших в 1853 году в В-Кужебар, " Исповедные росписи Петро-Павловского прихода" – документы церковного учёта населения, да редкие фотографии дают кое-какой материал.

Мои прапрадедушка и прапрабабушка по отцовской линии - Нестеров Иван Петрович 1911 года рождения и Нестерова Вера Петровна 1913 года.

Оба прашуры – уроженцы Верхнего Кужебара. А вообще предки по той и другой линии из первых поселенцев нашего села Верхний Кужебар. Возникло оно, как перевалочная база к золотым приискам Амыльской системы до 1846 года. А в 1846 году было зарегистрировано в Сагайском волостном и Минусинском уездном управлении, как населённый пункт с названием Верхний Кужебар (по новым данным дата основания всех трёх Кужебаров – 1853 года, данные местного краеведа И. И. Соболева).

В 1853 году сюда прибыли переселенцы из Орловской губернии, маршрутники, которые на Орловщине имели большую льготу за какие-то заслуги перед правительством (неизвестно какие). Им была выдана царская грамота на право заселения правого берега реки Амыл от Красной речки до нижнего устья речки Сап.

Разрешение на переселение в Енисейскую губернию крестьяне Ливенского уезда Орловской губернии получали в течение 1850 года. Прибыли в 1853 году и были водворены в Тесинскую волость Минусинского уезда. Почему правительство старалась быстрее заселить именно территорию Сагайской волости становится понятно, если учесть, что в 1835 году по реке

Амыл и его притокам были открыты залежи одного из самых ценных ископаемых – золота. Началась "золотая лихорадка".

Историческая справка: *«Вот что пишет один из минусинских чиновников, В. Ю. Григорьев, за 1902 год в своем «сочинении» о Каратузе: «Во второй половине 30-х годов прошедшего столетия открыто было золото по р. Амылу и его притокам, и вскоре появились довольно богатые прииски Зайкова, Рязанова, Попова, Чеглова, потом Подсосовых. Вначале промывка велась ручным способом на бутарах, потом ручной способ промывки заменился машинами. В 50-х годах золотопромышленность достигла своего апогея: число рабочих на приисках определялось в 700 – 800 человек, а ежегодная добыча – в 50 пудов»*

«Памятная книжка Енисейской губернии (справочник) за 1863 год», Санкт-Петербург, страница 233 «Ведомость о добыче золота на частных золотых промыслах в Енисейской губернии за 1861 год» – здесь такие данные об Амыльской системе – «...первый прииск по р. Изинзюль, впадавшей в Амыл, назван Никольским. В 1838 году он начал давать золото; в 1843 году начали действовать ещё два прииска – Успенский и Ивановский; к 1844 году к ним присоединился прииск Ново-Приютный по р. Кундусук (также правый приток Амыла)». А вот ещё – книга «Минусинский, Красноярский и Ачинский округа Енисейской губернии» – Санкт-Петербург, 1844 год. Здесь дан общий обзор золотодобывающей промышленности в южной части губернии, в том числе и Амыльской системы, с 1834 по 1884 годы, т.е. с самого начала «золотой эры». Автор книги И. Боголюбский при этом опирался и на отчётные данные – а это уже статистика. За 1847 год на всех приисках получено 1213 пудов золота. Это – «пик» «Золотой горы». За ряд последующих лет получено в Енисейской губернии свыше 1000 пудов.»

Почему именно орловские крестьяне были централизованно переселены сюда, в пограничную территорию, становится понятно, если посмотреть материалы «Ревизские сказки о переселенцах Орловской губернии, прибывших в 1853 году и водворённых в Тесинской волости Минусинского округа». (230

стр.) Все они относились к сословию государственных крестьян. Государственные крестьяне Орловской губернии 19 века в 18 веке были однодворцами, а в 16-17 в.в. служилыми людьми, защищавшими южные рубежи Московского государства от набегов крымских татар.

Однодворцы в Российской империи – категория государственных крестьян (до 1866 года). Потомки служилых людей "по прибору" (нёсших дозорную и сторожевую службу на южной границе в 17-18 веках), которым не было присвоено дворянство.

Так что предки мои по мужской линии – генетические воины-землепашцы, и вполне понятно, почему их заселили сюда, в Присянское пограничье (граница с Китаем проходила по Саянам, а Каратуз был казачьей станицей).

По архивам данным "Ревизских сказок" видно что, из Ливенского уезда, села Студеный Колодезь прибыло три семьи Нестеровых: первая – семья Сергея Осипова Нестерова (35-ти лет) и жены его Иулиании Гавриловой (19-ти лет) с детьми Никанором (14 лет), Иваном (9лет), и Семёном (2 года). Ещё две семьи родных братьев Тихона Семёнова Нестерова (42 года) и Алексея (32 года). У Тихона была жена Наталья Иванова (37 лет) и дети – Василий (4 года), Дмитрий (2 года), Татиана (15 лет, замужем), Агафья (13 лет), Анастасия (6 лет). У Алексея была жена Елена Сергиева (32 года), дети – Андрей (11 лет), Надежда (5 лет) и Елизавета (1 год). Первая семья, семья Сергея Осипова Нестерова, не была родственной 2-й и 3-й семьям. Вот она, первая семья – это мои пращурь.

Главными занятиями населения были хлебопашество, охота на пушного зверя, рыбная ловля и торговля (доставка продовольствия и утвари на золотые прииски).

«Скажи, Каменушка...»

Гора Каменушка, деревне подружка,
Гранитным откосом прижалась, стоишь.

Берёзовой шапкой ветвиста макушка,
Как страж неусыпный, покой сторожишь.

Поведаешь, может, амыльские были,
Когда появился расейский мужик?
Где край златоносный нежданно открыли,
Деревня возникла к Амылу впритык.

Топор застучал, да дымком потянуло,
И пашни тихонько теснили тайгу.
Вот первая улица нить протянула,
Амбары, склады на крутом берегу.

Как всплыло опарой густой многолюдство,
На прииски в тайгу утекало рекой?
А осенью позднею пьянством, распутством,
Кабацким разгулом зорило покой.

Селом приисковым, зажиточным, сытым,
Воротами в дикую горную глушь,
Тянуло обозы, брезентом укрытых,
Свинных, да говяжьих мороженных туш.

Как золотом пахло, на золоте пухло,
И волости центром как стало не вдруг.
Война мировая, 17-й ухнул,
Попало в порочный и замкнутый круг.

А годы вихрили, что брызги-капели,
Вот век XXI-й уже за окном.

Скажи, Каменушка, куда ж улетели,
Растаяли, будто, все были в былом?

Расея - европейская часть России (словарь русских говоров южных р-нов Красноярского края).

Моршнёв А. М.

До начала Первой мировой войны В-Кужебар, приисковое село, считался зажиточным. Она, война, а потом ещё и гражданская война окончательно подорвали хозяйства сельчан. Народ оголодал, обносился и оборвался.

Хотя Кужебар и считался старым поселением и имел большую площадь расчищенных земель, но прокормить себя своим хлебом не мог. Много к этому было серьёзных причин: холодные ветры, большие осадки, горная местность. Крестьяне сеют озимую рожь, овёс, гречиху. Просо хорошо родится, когда сухое лето, а оно здесь редко. Вот и приходится заниматься подсобным промыслом: рыбной ловлей в Амыле, охотой в тайге на пушного зверя.

В довоенное время ходили на отхожие промыслы: на мелкие золотые прииски, расположенные в верховьях реки Амыл и на Нижнеамыльские тоже. Зимой занимались извозом на эти же прииски. С германской, гражданской и голодом прииски поразорились. Новая власть, не имея экономических возможностей, далеко не сразу смогла там вновь запустить добычу золота, хотя сами прииски национализировала. Мешала большая удалённость от жилых мест (от Кужебара вверх по реке до посёлка золотничников Верхний Амыл было 120 км) и банды, орудовавшие в верховьях Амыла (банда есаула Чёрного – вплоть до 1930 года) и прилегающих территориях соседней Тувы.

Старатели с приисков частично разбежались, а кто остался, вели хищническую добычу золота, сбывая его тоджинским купцам и китайским спиртоносам. У купцов мука простого размола стоила 25 граммов золота за 1 пуд (16 кг).

Историческая справка: в годы Великой Отечественной войны за 50 граммов золота по ленд-лизу Америка давала СССР танк, а за 100 граммов – самолёт.

Основная часть добываемого тогда там золото отправлялась китайскими и корейскими спекулянтами-посредниками в Китай.

Лишившись возможностей заработков на приисках, кужебарские мужики стали заниматься другим промыслом: летом плавилы плотами круглый лес и дрова в степные деревни, лежащие по рекам Амылу, Тубе и Енисею, получая за это гроши на хлеб. Кто-то «работал деревянную посуду»: бочки, кадки, ведра, но её нужно было продавать на базаре в городе или в степных деревнях менять на хлеб. Если лошади своей нет, то и до базара не доберёшься.

Чуть-чуть облегчил положение крестьянина НЭП, но советская власть его быстренько свернула и грянула коллективизация. Государство постоянно увеличивало норму хлебазаготовок, отбирая у колхозов почти половину урожая. Цены госзакупок были низкие, а оплата труда регулировалась системой трудодней. Доходы колхозов были низкими и не обеспечивали прожиточного минимума. За трудодни крестьяне получали оплату зерном или другой производимой продукцией, например, мёдом. Труд колхозника деньгами почти не оплачивался, а государству нужно ещё и налоги выплачивать.

Неудивительно, что от таких «прелестей» колхозного рая многие пытались избавиться. Но не тут-то было. В конце 1932-го года государство ввело паспортную систему, по которой колхозникам паспортов не выдавалось. В отличие от прочих граждан, получавших паспорта с 16 лет, колхозники учитывались по спискам, которые велись сельскими Советами. Без их разрешения никто никуда выезжать не мог. Это колхозное рабство просуществовало до начала 60-х годов.

Не знаю как, но родители моей прабабушки сумели попасть на Верхнеамыльские прииски. Поселок Верхний Амыл и Нижний Амыл входили в организованное в 1927 году «Союззолото». Оба посёлка входили в Нижнеамыльский сельский Совет.

Да 1958 года прииски относились не к Каратузскому району, а к Артёмовскому – именно там находилось рудное управление. Туда под охраной отправляли намытое золото, там отчитывались, оттуда снабжались всем необходимым, туда отправляли избирательные бюллетени во время выборов.

Что очень немаловажно, старатели были освобождены от всех налогов. Прииски считались государственным предприятием: и работать, и жить там было легче, чем в колхозе. Здесь труд старателя оплачивался по определенной системе, гидроустановки работали в три смены – с 6, 14 и 22-х часов. Отработал смену и – свободен. Можешь сидеть дома, можешь лотком, как старатель, продолжать мыть золото и индивидуально сдавать его в контору приискового управления – всё дополнительный заработок. Снабжение в золотопродснабовском в магазине было отличным.

Так и получилось, что родилась моя прабабушка, Луконина Галина Ивановна (в девичестве Нестерова), в посёлке Верхний Амыл (бывший Староникольский) в семье Нестерова Ивана Петровича и Веры Петровны. В свидетельстве о рождении, выданном 20-м марта 1938 года в Нижнеамыльском сельском Совете Артёмовского района записана дата рождения – 1 марта 1938 года. В семье она была вторым ребенком, до неё родился брат Николай в 1934 году, дочь Валентина в 1941 году, (а в 47 году, уже после войны родился Михаил). Жили отдельно в небольшом казенном домике (избушке). Верхнеамыльский прииск был небольшим поселком, где постоянно проживало 200-300 человек. Была начальная школа-четырёхлетка, приисковая контора, магазин, конюшня, кузница, где закаливался и затачивался старательский инструмент – кайлы, кирки, обушки, лопаты. Приисковая контора была хозяйственным и административным центром, сюда же доставлялась и почта.

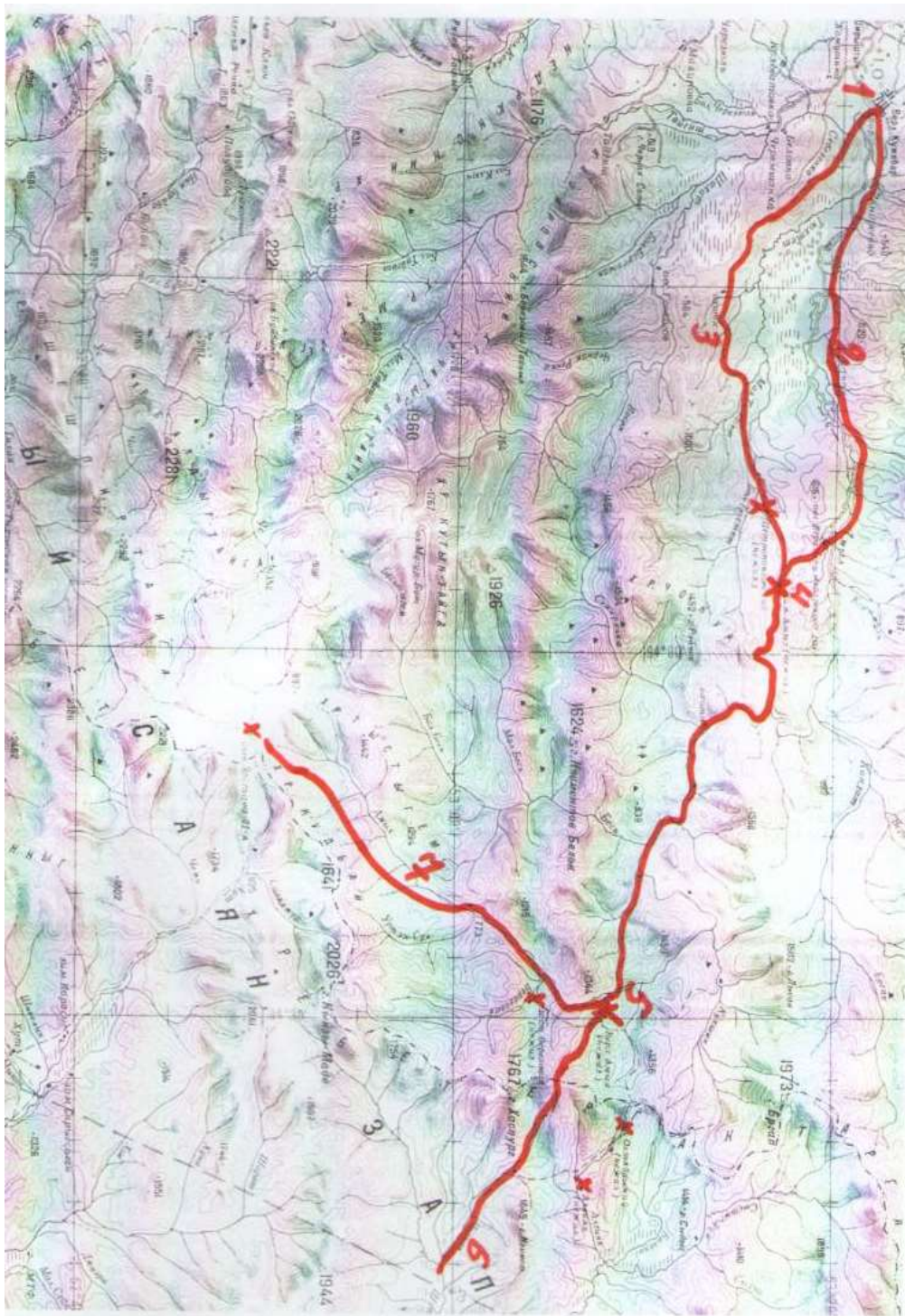
До 1944 года это было пограничная с Тувой территория. Погранзаставы стояли на р. Кундусуке, р. Берёзовой. В любой выход в лес за черемшой, ягодой, кедровым орехом нужно было иметь при себе паспорт, иначе пограничники задерживали, как подозрительных. На Верхнем Амыле практически не было огородов – прииски находились в ущельях, где был

сплошной камень. Можно было с трудом выращивать лишь картофель, но, что характерно, в каменистой почве он урождался отменный. Приискатели шутили: «Раз на золоте растёт, значит и картошка у нас золотая». Больше ничего не росло – ни лук, ни помидоры, ни овощи – ничего, везде лишь камень-галька. Всё необходимое покупали в приисковом магазине «Союззолото». Снабжение было хорошим – всё-таки прииски были режимные предприятия с жёсткой дисциплиной.

Основная масса грузов завозилась по зимнику. С наступлением морозов река замерзала, и по льду прокладывался санный путь. Большими обозами, в 100 – 150 лошадей одновременно, возили груз, чтобы постоянно поддерживать дорогу и успеть за 3-4 месяца завезти годовой запас продуктов и других товаров. Колхозы округа заключали договора на извоз (хочешь – не хочешь) по разнарядке райисполкома в обязательном порядке. В Верхнем Кужебаре были склады, отдельно комендатурские и золотопродснабовские, куда постоянно завозились грузы заранее. Завозили всё необходимое для жизнеобеспечения людей и производства, даже пригоняли скот на убой.

По р. Амыл на расстоянии 20 километров друг от друга располагались зимовья для того, чтобы гужевой транспорт мог обеспечиваться местом для отдыха и ночлегом. В хорошую погоду гружёный обоз проходил до 40 км в день. Обозы же шли строго по расписанию: до 16 часов идёт гружёный, а с 16 – порожняк. Это делалось для того, чтобы они в тайге не встречались (снега в них глубокие, разъехаться встретившимся обозам невозможно).

Летом грузы на Верхний Амыл доставляли вьючно на лошадях по расчищенным тропам.

Условные обозначения:

- 1-2-4 – тропа правобережьем Амыла (В-Кужебар – Нижний Амыл).
- 1-3-4 – тропа левобережьем Большого Тюхтета (В-Кужебар – Нижний Амыл).
- 4-5 – тропа Нижний Амыл – Верхний Амыл (42 км.).
- 5-6 – тропа Верхний Амыл – р. Чёрная (зброшенне прииски и дальше – в Туву).

— 5-7 – Верхний Амыл – пограничная застава Берёзовая.

Мать, Вера Петровна, сидела домохозяйкой с детьми. Всё-таки трое малых (одна совсем маленькая) – это не шутка. Детского сада не было, старики и старухи тоже не жили, в основном только рабочий люд – все на работе.

Иван Петрович зимами «ломил» в шахте, летом работал на гидравлике. До войны залежи богатые были – добывали круглый год. Зимой золотоносные пески в шахтах (или «ортах»). Кайлом их копали в горах, крепи ставили. Проходчик ломом и кайлом долбил, выполнял дневную норму; катальщик катал тачки с породой «на гора», возчики на лошадях отвозили вниз «к буртам», где летом гидромонитор промывал пески в шлюзах. Один раз в месяц производилась «съёмка» золота и под охраной его увозили, сдавали в городе Артёмовске в рудное управление. Работа физически тяжелая, всё, как говорят на Руси, через «пуп», но получали хорошо – по 100-120 руб., семье на жизнь хватало.

С начала апреля начиналась подготовительная работа по подведению воды к гидравлике (гидромонитору). За многие километры из горных ключей, речушек «собирали» её в деревянные желоба с системой минишлюзов, и вода силой собственного естественного давления на приборе мыла-ворочала золотоносную породу, вымывая драгоценный золотой песок (шлихи-чешуйки) или мелкие самородки. Все эти многокилометровые деревянные желоба нужно было очистить от снега и мелкого мусора. Золотопромывочный сезон начинался с 20 апреля и заканчивался 7 ноября.

Так или иначе, все эти работы пришлось перепробовать отцу моей прабабушки. Имел, как и все приискатели и профессиональную болезнь – ревматизм, который подчас скручивал человека в три погибели. Хорошо, если это было весной: спасались черемшой. В золотарском посёлке все знали легенду-быль о том, как лечить этот недуг. Еще при царе доставили фельдшеру прииска скрюченного бедолагу. Фельдшер на лошади увёз его на косогор с черемшой за прииском – Николаеву гору, оставил мешочек с солью, и наказал есть это «медвежьего лука» как можно больше. Через десять дней

старатель пришёл в посёлок сам, прямой и стройный. Черемшу в посёлке всегда употребляли нещадно в сыром, солёном, квашеном виде, в жареном, печёном (пирог) и т. п.

Николаевой эта гора стала называться после одного трагичного случая. Житель прииска Николай после смены пошёл поохотиться на рябчиков. Его патроны были заряжены дробью. На него вышел медведь, который осенью на человека сам не нападает. Но, видимо, от испуга охотник начал стрелять в медведя, да еще дробью, что только разозлило зверя. С охоты мужик не вернулся. Весь прииск, растянувшись цепью, прочёсывал тайгу на горе. Сначала нашли ружьё с согнутым стволом, а потом растерзанное тело охотника, заваленное ветками. В стороне лежал валенок с его ногой внутри.

А вообще вся округа кишела зверьём и была чрезвычайно изобильна ягодой, кедровыми орехами. Несмотря на отличное снабжение, всегда хотелось чего-нибудь настоящего, домашнего, с огорода. Поэтому когда на прииски приходили конные обозы, доставляющие грузы с продовольствием, весь прииск оживлялся, все улицы заполнялись возами, происходил бойкий обмен товарами. Привезённые извозчиками овощи менялись на промышленные товары. На столах появлялись деревенские продукты.

Предвоенное лето 1940 года на амыльских приисках было чудесным, пора обильных даров природы. С приисков в государственную казну тёк поток золота. Для приискателей было доступно изобилие всех товаров и продуктов. Но всё чаще объявлялась учебная тревога для пограничников с военными манёврами и стрельбами.

Пришло лето 1941 года, и 22 июня началась Великая Отечественная война. Отца забрали на фронт первым набором сразу. Ушёл он с другими мобилизованными на прииск Сергиевский (приискатели говорили Серговск), что назывался Нижним Амылом и был административным центром, Нижнеамыльским сельским Советом Артёмовского района.

Путь на Нижний Амыл был, хотя не таким уж далеким – 60 км, но сложным. До реки Калны шли пешими по тропе, потом на лодке плыли вниз до

пристани Баданка, от которой до Нижнего Амыла оставалось всего лишь 7 или 8 км (никто приисковую дорогу не мерил). С Баданки вновь шли пешком через большое зыбкое болото по шатким деревянным настилам, проложенным между водяными «окнами» с зеркальной поверхностью, в которых отражалось опрокинутое синее небо.

Потом, собрав всех мобилизованных вместе, их привели вновь на берег протоки Баданки, где после горестного прощания на нескольких больших плотках они убыли в Верхний Кужебар. Забегая вперёд, скажу, что большинство из них домой не вернулось. Судьба призыва первой волны была трагична: из старателей прииска была образована воинская часть. Амыльцы почти полным составом полегли под г. Старой Руссой, куда была переброшена их часть, при штурме укрепленного фашистами рубежа. Отцу «посчастливилось» – он был ранен, но остался жив.

***Вспоминает Галина Ивановна:** «После ухода отца на фронт маме с тремя детьми на приисках, где труд в основном был для мужчин, стало очень тяжело. Зимой 41 года сестра матери, Анисья Петровна, приехала из Верхнего Кужебара за нами, и увезла всех по зимнику в село.*

Поселились у бабушки, матери мужа Ивана Петровича, Елены, которая жила с дочерью Фёклой. Жили очень трудно. В одном доме (дома тогда строились небольшие, кухня да горница) размещались все, хотя и тесно было. Ребятишки в основном спали на полатах. Моей маме и брату Николаю приходилось ездить за дровами зимой на санях, впрягая корову. Лошадей не было, так как их всех забрали на фронт.

С раннего детства мать брала меня с собой на работу, в колхоз. Пололи пшеницу, садили махорку: её потом отправляли на фронт. Кстати сказать, о нашей Победе мы узнали, работая в поле. Приехал какой-то паренёк на лошади и крикнул, что война кончилась. Победа!!! Женщины кто плакал, кто обнимались. Все очень были рады.»

Как и все дети, чьё дошкольное детство пришлось на военное лихолетье, она ещё совсем маленькая была приучена к взрослому труду.

После окончания войны вернулся домой отец, он был весь изранен. Один осколок так и не смогли врачи вытащить. За время войны отец имел награды: ордена и медали.

- Когда я стала постарше, нас посылали на сенокос работать. Женщины уезжали домой, а мы с Калининой Марией Николаевной оставались ночевать на стане (бывало, жили неделями). Также ходили на поле – пололи пшеницу от осота вручную, бывало, и руки были изранены в кровь. – вспоминает Галина Ивановна.

- В школу, как и многие в селе, я пошла переростком и окончила 6 классов в 16 лет.

Историческая справка:

«В 1936 году была построена двухэтажная деревянная школа на территории нынешнего детского сада. В её строительстве активное

участие принимали умелые мужики. Первого сентября 1937 году была открыта новая деревянная двухэтажная школа, она называлась «большой школой», потому что маленькие школы ещё существовали очень долгое время.

Учащихся было много, поэтому начальные классы учились в маленьких школах в две смены. В школе, начиная с пятого класса, учились даже из соседних маленьких деревень и из Нижнего Кужебара. Рождаемость в послереволюционные и предвоенные годы была очень высокой.

Трагические годы раскулачивания и насильственной коллективизации уходили в прошлое. Люди поверили Советской власти, жили надеждой на счастливое будущее своих детей и внуков. Количество учащихся в школах доходило до пятисот человек. Наполняемость класса – до 37-40 человек. Верхнекужебарская школа была семилетней» (Из архивных данных школьного музея).

«До 1954 г. в Каратузском районе было 2 средних школы: Каратузская и Моторская. В остальных сёлах семилетние и начальные школы. После окончания 7 классов, кто хотел получить среднее образование, ехали учиться в Моторскую и Каратузскую средние школы или за пределы района.

Летом 1954 г. в Районо было решено открыть еще 2 средних школы: В-Кужебарскую и Качульскую. В 1956 году Верхнекужебарская школа стала средней.» Из воспоминаний А. И. Селина (Из материалов газеты «Амыльские перебаты» № 23 апрель, 2000 г.)

После окончания школы Галина Ивановна нянькой попала в семью учителей на Нижний Амыл, где была школа-семилетка. Сразу после войны в Верхнем Кужебаре базировалась авиаэскадрилья самолётов У-2. Они совершали грузоперевозки и пассажиров на Нижний Амыл. На самолёте она на прииск и улетела. В течение учебного года жила в учительской семье, а после окончания учебного года всё лето жила у тётки, Александры Петровны. Работала в гидравлическом разрезе на гидравлике (гидромонитор) подсобным рабочим («бегала под галькой» т.е. таскала камни, отгребала выгребку).

После окончания промывочного сезона, а он заканчивался 7 ноября, вернулась в Верхний Кужебар и недолго успела поработать на почте почтальоном.

Вышла замуж в 1956 году за Луконина Александра Ивановича и уехала с мужем на Верхний Амыл. После войны золотодобыча на приисках постепенно приходила в упадок. Прекратилась шахтная добыча породы, гидравлика тоже работала не в полную силу. После трёх лет мытарства (заработков совсем не стало, зимой авансом выберут, потом до половины лета рассчитываются) переехали в посёлок Тёя (Хакасия). А прииски в 1960 году закрылись: и Верхний Амыл, и Нижний Амыл, и Бургон. В Тёю приехали уже с маленьким сыном Юрой. Первое время, когда устроилась техничкой в общежитии, приходилось его брать с собой, потому что муж работал в лесосеке вальщиком, а место в детсаде не давали. Жили в комнате на две семьи, в тесноте, да не в обиде. Ребёнок спал с родителями в ногах. В три года Юру устроили в детсад, а

прабабушка Галина устроилась на бетонный завод. В Тёе долго не пожилась, через десять лет переехали в г. Кызыл. Устроилась на работу в кызыльский ДОК, делали плитусы, гнали половую рейку и т.д.

Прожили 10 лет, и после смерти мужа жила с сыном и невесткой, а в 1981 году переехала в свое родное село – Верхний Кужебар. На родине устроилась работать в ДОК по предыдущей специальности – станочница. В цехе работали 2 бригады, а бригадир была одна – Куклина Валентина Фёдоровна.

За всю свою трудовую деятельность (а работала Галина Ивановна отлично, в доказательство тому – семейный альбом: в нём есть множество фотографий с доски почёта) Галина Ивановна получила множество заслуженных наград, как правительственных, так и от местного руководства: медали – «За долголетний добросовестный труд», «Ветеран труда», «За трудовую доблесть», «К 100-летию со дня рождения Ленина». Награждена знаками «Ударник коммунистического труда»; «Ударник десятой пятилетки» 1973 г., «Победитель социалистического соревнования» 1975 и 1976 годов. За трудовые заслуги в 1978 году ездила на ВДНХ в г. Москву. На заслуженный отдых вышла в 1993 году. Сейчас она живёт в родном селе Верхнем Кужебаре, в собственном доме, садит огород, держит курочек, всегда весёлая, общительная и никогда не унывает.

« Судьбы людские, в годах припорошены...»

Судьбы людские, в годах припорошены,
Непозабытые, не позаброшены.
Памятью доброю сердце щемит,
Легкой улыбкой лицо озарит.

Годы летят быстrokрылою птицей,
Время-субстанция мчится и мчится.
Круговорот жизни ярко-земной,
Привкус событий и запах живой.

Смена эпох и века быстротечные,
В строгости времени вовсе не вечные.
В калейдоскопной цепи-быстроте
Место оставят и чувствам-мечте.

Жили, любили, порой ненавидели,
Счастье урывками ведали-видели.
Кровь проливали за землю – Россию,
Горе-невзгоды скосить не скосили.

Род продолжали и верили свято:
Сужденья потомков не будут предвзяты.
Всё по традиции – память и честь,
Где неуместна банальная весть.

Мы зримо видим вас, деды и прадеды,
Слышим в преданьях, что вами нам дадены.
И не беда, что годах припорошены,
Но не забыты и не заброшены.

Моршнёв А. М.

Литература

1. «Памятная книжка Енисейской губернии за 1863» (справочник; Санкт-Петербург; 1863)
2. «Минусинский, Красноярский, Ачинский округа Енисейской губернии»; Санкт-Петербург; 1884); И.В. Боголюбский.
3. «О золотых промыслах Восточной Сибири»; Санкт-Петербург; 1844); статья полковника Г. Гофмана.
4. Газета «Знамя труда» – № 74,79,83,85.

5. В. М. Байзель «Каратузский район. История малой родины», Абакан, ООО Книжное издательство «Бригантина», 2010.
6. Л. Л. Майкова-Емельяненко «Шадатский форпост – всему начало» - сборник исторических статей; ч. 1, Абакан, 2011.
7. ГАКК Ф.160.Оп.3.Д.489 «Ревизские сказки о переселенцах Орловской губернии, прибывших в 1853 г. и водворенных в Тесинской волости Минусинского округа» (230с.).
8. Исповедные росписи Петро-Павловского прихода за 1856 г. Минусинский архив Красноярского края ф.16, оп.1, д.3, лл.1-60.
9. Семейный фотоархив, воспоминания Лукониной Г. И.
10. Сайт Кравченко Р.А. <http://kravchenkoryslan.narod.ru/index.html>
11. Стихи А. Моршнёва «Скажи, Каменушка...», «Судьбы людские, в годах припорошены...».

Приложение

Родители Лукониной Галины Ивановны: Нестеровы Иван Петрович и Вера Петровна.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНЕШНИХ ДЕЛ СССР
ОТДЕЛ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ

28 июля 1938 г. № 84752
Гр. Нестерова Тамара
Уваровна

Выдан паспорт сер. XV-118-735729
от 10/10 - 1951 г. Тайский Пос. Отд.
Милиции Ачинского РОМ
Красноярского края

родился (лась) Тамара девятисот шестидесяти шестого
года первого мая

о чем в книге записей актов гражданского состояния о рождении за 1938 год
"20" числа мая месяца произведена соответствующая запись.

Родители: Отец Нестеров Иван Григорьевич
Мать Нестерова Вера Григорьевна

Место рождения ребенка: город район Артемовского рай Красноярский
с/пос. А. Амольский обл.

Место регистрации А. Амольский пос. в/пос.

М. П.

Завед. бюро ЗАГС

Дело производитель

Нижнеамыльский поселковый Совет Артёмовского района, свидетельство о рождении.

Работники бетонного завода с. Тёя

Луконина Галина Ивановна, фото с Доски Почёта, с. Тёя, бетонный завод.

С Доски Почёта, г. Кызыл

Работники Абаканского ДОКа, село Верхний Кужебар, цех деревообработки.

Удостоверения к трудовым наградам.